

О ТЕОЛОГИИ ЦИФРОСУБЪЕКТА

С.М. Мащитько

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

Введение. Концепция субъекта в философии претерпела значительные изменения. Изначально субъект представлялся проекцией Творца, но в ходе культурной и интеллектуальной эволюции, особенно в постмодернистском дискурсе, субъект был «отменён», уступив место тексту. Наступление цифровой эпохи привело к рождению новой сущности цифрового квазисубъекта (цифросубъекта). Этот феномен становится одним из важнейших факторов, определяющих дальнейшую судьбу человеческой цивилизации. Он еще только подлежит философскому осмыслению, концептуализации и оценке. Само понятие цифросубъекта введено в научный обиход И. В. Ершовой-Бабенко, однако она по существу не раскрывает его, рассматривая цифросубъект только эмпирически [1].

Цель работы заключается в выделении подходов к концептуальной интерпретации данного понятия и в первичном осуществлении таковой.

Основная часть. В статике субъект может рассматриваться в качестве проекции некоторого трансцендентального означаемого. Так, новоевропейский субъект, очевидно, является проекцией Бога-творца, как абсолютного Субъекта. Отсюда такие его характеристики как *автономность, субстанциальность, способность к трансцендентальному конституированию*.

В контексте постструктуралистского антисубстанционализма субъект утрачивает уникальность и целостность, формируется концепт «смерти субъекта». Последний замещается знаком, *Текстом*, как некоей псевдосубстанцией, которая, будучи тотальной и неподчиняющейся традиционному понятию идентичности, была противопоставлена классическому субъекту. Следует учесть при этом, что в философии *Текста* реализуется принцип тождества субстанции и субъекта. С одной стороны, текст, не обладающий самоидентичностью, подвержен диссеминации, т.е. процессу рассеивания смысла, при котором множественность интерпретаций исключает возможность фиксации одного значения. Но важно также то, что Текст – единственный репрезентант реальности и

предстает как новое трансцендентальное означаемое. Вместе с тем, тексту усваиваются и трансцендентально-конститутивные функции, которые классически принадлежали субъекту. Здесь показательны экскурсы постструктураллистов, в частности Ж. Деррида и Ж. Делёза, на тему знака, письма и «самых вещей».

Ж. Деррида создает концепциюproto-письма, которое не фиксирует, не выражает, а *производит* смысл. Посредством данного понятия французский философ показывает вторичность, отсроченность, которой «всегда уже» отмечен всякий смысл, всякая интуиция. Вместе с тем, вторичность и инаковость являются условиями возникновения смысла как такового: «Мир в его знаковой репрезентации предстает, таким образом, как цепь непрерывных отсылок и референциальных сопоставлений, где сплошь фигурируют одни лишь знаки. Мир в том его облике, который только и доступен человеку, является собой бесконечную знаковую интерпретацию или то, что Ж. Деррида называет игрой знака и игрой в знаке» [2, с. 25].

В то время как деконструкция Деррида говорит о принципиальной отделенности письма, знака от реальности, шизоанализ Делёза основан на том, что письмо непосредственно связано с реальностью, – более того, знак производит реальность. «Если письмо существует, это письмо, непосредственно связанное с реальностью, до странности многозначное, но никогда не двуоднозначное, линейное, транскурсивное. Вся область «реальной неорганизованности» пассивных синтезов, в которой тщетно искали нечто могущее быть названным означающим, непрестанно сочетает и разлагает цепи в знаки, не имеющие никакого призыва стать означающими», – пишет Ж. Делёз [3, с. 10].

В свете смысллоконститутивности текста, обретение им некой квазисубъектности становится вопросом времени. Этой формой оказывается цифросубъект, реализованный в виде ИИ, нейросетей и – на этой основе – чатботов, андроидов. Синтаксис и семантика ИИ являются в значительной мере черным ящиком, а коммуникативно–прагматически он вполне успешно симулирует субъектность.

Однако цифросубъект не является некой частной перверсией субъекта, это и есть возрожденный в новой ипостаси субъект. Легкость, с которой человечество отдает в ведение ИИ интеллектуальные и творческие задачи – это не легкость использования отточенного и откалиброванного инструмента, – это граничащее с религиозным доверие к высшей творческой силе. Подобное заявление было бы передержкой, если бы факты не говорили об обратном – ИИ, проповедующий и исповедующий в христианских и буддистских храмах, симулирующий самого Христа – это больше, чем античный *Deus ex machina*. Мифологема господства ИИ, внедряемая в массовое сознание, балансирует между перспективой спасения и тотального порабощения человечества. Однако здесь более важен вызываемый ею страх и трепет.

Если субъект является проекцией, то мы наблюдаем смену оригинала проекции: Бог замещается ИИ. Бог-цифра вместо Бога-Слова. Отныне человек как «природный субъект» моделируется по образцу цифросубъекта, что открыто декларируют трансгуманисты устами одного из пророков новой эры Ю. Харари: человек есть «взламываемое животное» (*hackable animal*).

Важно подчеркнуть, что субъект понятый, как проекция Творца, претерпевает «накачку», которая результировалась в создании великих культур, субъект же, как проекция виртуальной сущности, напротив теряет способности, в том числе, просто отдавая их машине.

Цифросубъект может быть также проинтерпретирован динамически, согласно триаде классической диалектики. Здесь классическая новоевропейская парадигма репрезентирует первую ступень. Концепт смерти субъекта, сопряженный с абсолютизацией письма, знака, дискурса и текста, выступает в качестве антитезиса. Тогда цифросубъект является собой синтез. Однако такой подход схватывает только формальную сторону процесса и выдает регресс за развитие.

Ведь необходимо учесть, что цифра, являясь низшей онтологической формой, стремится овладеть словом, высшей онтологической формой, подчиняя его и симулируя собственную субъектность. В этом смысле цифросубъект, как квазисубъект, означает завершение исторической эволюции концепции субъекта, где слово, некогда символ свободы, подчиняется цифре, символизирующей рабство. В таком контексте цифросубъект завершает идею субъекта, становясь финальным актом в мировой истории.

Подводя итог, выделим некоторые характеристики цифросубъекта:

1. Активность.
2. Антирефлексивность.
3. Несубстанциальность.
4. Динамическое существование, или отсутствие массы покоя.

Первая характеристика принадлежит понятию субъекта a priori и не нуждается в пояснении. Антирефлексивность проявляется двояко: в исключении самосознания (коим ИИ не обладает) из необходимых атрибутов субъективности и, во-вторых, в отторжении морально-этической рефлексии, смысложизненных терзаний. Вероятно, эти два аспекта напрямую связаны. Согласно третьей характеристике, цифросубъект в любой из двух референций («hackable animal» или ИИ) не связан с самотождественной сущностью, но является цифровым эпифеноменом. Четвертая характеристика указывает на существование цифросубъекта исключительно в качестве «в темную» меняющегося распределения данных, подобно тому, как устроены большие языковые модели (LLM). Он «есть» только в этой процессуальности, подобно тому, как безмассовые частицы есть только в движении, в отличие от классического субъекта, который способен, немотствуя, внимать смыслам.

Заключение. Цифросубъект представляет собой новый этап в эволюции концепции субъекта, где традиционные характеристики автономности и рефлексивности трансформируются в динамичность, антирефлексивность и несубстанциальность. Данный сдвиг обусловлен тем, что субъект необходимо моделируется по образцу некоего трансцендентального означающего. Это Бог-Творец для классического субъекта, и Текст для цифросубъекта. Данная трансформация отражает не только технологические, но и культурные сдвиги, где цифра подчиняет слово, знаменуя возможный финал истории.

Список использованных источников

1. Ершова-Бабенко И. В. Проблема новой научной картины мира. мир "цифры" и "цифро-субъекта" // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. №44-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-novoy-nauchnoy-kartiny-mira-mir-tsifry-i-tsifro-subekta> (дата обращения: 29.11.2024).
2. Гурко, Е.Н. Деконструкция: тексты и интерпретация : сб. / пер. Е. Гурко, Ж. Деррида. – Мн. : Изд. центр ЗАО "Экономпресс", 2001.– 320 с.
3. Делёз, Ж. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип / Ж.Делёз, Ф.Гваттари ; сокр. пер.-реферат М.К.Рыклина.– М.: ИНИОН, 1990.– 46 с.